

савицей, умѣла привязать къ себѣ такого человѣка. Но грусть воспоминанія не долго занимаетъ донъ-Хуана.

Л е п о р е л л о.

Что жъ? вслѣдъ за ней другія были.

Д о н ъ-Х у а н ъ.

Правда.

Л е п о р е л л о.

А живы будемъ, будутъ и другія.

Д о н ъ-Х у а н ъ.

И то.

На этотъ разъ онъ хочетъ идти къ Лаурѣ. Но является монахъ, и отъ него наши авантюристы узнаютъ, что на монастырское кладбище сейчасъ должна прійти донья-Анна, чтобъ плакать на могилѣ своего мужа, убитаго нашимъ героемъ. Донъ-Хуанъ успѣлъ замѣтить только ея узенькую ножку; но этого довольно для него, чтобъ рѣшиться узнать ее покороче; а пока онъ спѣшитъ къ Лаурѣ.

Лаура—актриса, жрица искусства и наслажденія. Въ ней нѣтъ притворства и лицемерія; она вся наружу. Молодая и прекрасная, она не думаетъ о будущемъ и живетъ для настоящей минуты. Она вѣчно окружена мужчинами и обходится съ ними безъ церемоній, иногда даже съ какимъ-то граціознымъ цинизмомъ. У ней гости; они въ восторгѣ отъ ея игры въ этотъ вечеръ; только одинъ между ними мраченъ. Это донъ-Карлосъ, у котораго донъ-Хуанъ убилъ брата. Она спѣла пѣсню («Я здѣсь, Инезилья») и сказала, что эту пѣсню сочинилъ «ея вѣрный другъ, ея вѣтренный любовникъ» донъ-Хуанъ. Это имя приводитъ донъ-Карлоса въ бѣшенство, и онъ ругаетъ его безбожникомъ и мерзавцемъ, а ее—дурой. Она грозитъ велѣть слугамъ своимъ зарѣзать его; но онъ успокаивается, и они мирятся. Гости уходятъ и она говоритъ Карлосу:

Ты, бѣшенный, останься у меня.

Ты мнѣ понравился; ты донъ-Хуана

Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня

И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Оставшись съ ней, Карлосъ, вмѣсто лести и любезности, заводитъ мрачные разговоры; теперь ты молода, говоритъ онъ ей, окружена поклонниками, а лѣтъ черезъ шесть, когда глаза твои впадутъ и сѣдина блеснетъ въ косѣ, что тогда съ тобой будетъ?—Этотъ человѣкъ тоже истый испанецъ, какъ и донъ-Хуанъ, только другимъ образомъ. Онъ мраченъ и въ молодости, мраченъ наединѣ съ прекрасной женщиной, которая сказала ему, что она его любитъ; къ старости же изъ него былъ бы готовъ отличный инквизиторъ, который съ полнымъ убѣжденіемъ и спокойной совѣстью жегъ бы еретиковъ и съ особеннымъ насла-

жденіемъ бичевалъ бы самого себя... Лаура въ старости сдѣлалась бы дуэньей и мастерски помогала бы вѣренной ея бдительности женѣ проводить за носъ мужа, а, можетъ быть, пошла бы въ монастырь: но пока она не хочетъ слышать о вздорѣ—о будущемъ.

Является донъ-Хуанъ; Лаура въ радости бросается ему на шею; Карлосъ вызываетъ его—и падаетъ мертвый.

Д о н ъ-Х у а н ъ. Вставай, Лаура, кончено.

Л а у р а. Что тамъ?

Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!

Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ!

Куда я выброшу его?

Д о н ъ-Х у а н ъ. Быть можетъ, Онъ живъ еще.

Л а у р а. Да! живъ! гляди, проклятый, Ты прямо въ сердце ткнулъ—небось, не мимо. И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки, А ужъ не дышитъ—каково!

Въ слѣдующей сценѣ донъ-Хуанъ въ монашеской рясѣ уже разговариваетъ съ доньей-Анной. Она проситъ его соединить молитвы съ ея молитвами.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, донна-Анна! Я не достоинъ участи такой. Я не дерзну порочными устами Мольбу святую вашу повторять; Я только издали съ благоговѣніемъ Смотрю на васъ, когда, *склонившись тихо, Вы кудри черныя на мраморъ блѣдный Разсыплете*—и мнитъ мнѣ, что тайно Гробницу эту ангелъ постѣилъ; Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ И окропленъ любви ея слезами.

Что это—языкъ коварной лести, или голось сердца? Мы думаемъ, и то, и другое вмѣстѣ. Отличіе людей такого рода, какъ донъ-Хуанъ, въ томъ и состоитъ, что они умѣютъ быть искренно-страстными въ самой лжи и непритворно холодными въ самой страсти, когда это нужно. Донъ-Хуанъ распоряжается своими чувствами, какъ полководецъ солдатами: не онъ у нихъ, а они у него во власти и служатъ ему къ достиженію цѣли. Донья-Анна изумлена странностью такихъ рѣчей въ устахъ монаха; но донъ-Хуанъ идетъ далѣе и съ изумительной дерзостью признается ей, что онъ не монахъ, но пока прикрывается вымышленнымъ именемъ. Сцена эта ведена съ непостижимымъ искусствомъ. Донья-Анна гонитъ его прочь, а между тѣмъ хочетъ знать, кто же онъ, и чего онъ требуетъ...

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ, Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ, Не подлѣ праха милого для васъ, Не тутъ—не близко—дать гдѣ-нибудь, Тамъ—у дверей—у самаго порога,